

В ПОИСКАХ СЦЕНИЧЕСКОЙ ЭПИКИ

Вчера, 29 ноября, социалистическая Югославия отметила свой самый большой национальный праздник — День республики. К двадцатой годовщине Социалистической Федеративной Республики Югославия пришла с большими успехами в строительстве новой жизни. Немаловажным показателем этого служит возросший уровень культурной жизни югославского народа. В 260 разных институтах, высших школах и художественных академиях учатся сейчас 170 тысяч студентов. В республиках страны работают 15 киностудий, которые ежегодно выпускают до тридцати полнометражных картин и около 240 короткометражных фильмов.

Заслуженным успехом пользуются театры Югославии не только у себя на родине, но и за рубежом. Хорошо знакомы советским зрителям многие художественные коллективы и отдельные исполнители.

Вот и сейчас в нашей стране гастрольюрует Югославский драматический театр, и мы рады поздравить наших гостей и в их лице все братские народы социалистической Югославии с праздником.

ДВА спектакля, показанные Югославским драматическим театром во время его нынешних — уже вторых по счету — гастрелей в Москве, созданы на основе совершенно различных произведений. «Откровение» — инсценировка романа современного сербского писателя Добрицы Чосича «Раздел» (авторы инсценировки Мирослав Белович и Юван Чирликов). «Заложник» — пьеса английского драматурга Бренда Бизна.

Спектакль «Откровение» рассказывает о трагическом эпизоде из жизни крестьян сербского села Трипана в первые дни немецко-фашистской оккупации 1941 года. В «Заложнике» показана пестрая компания обитателей сомнительного пансиона в пригороде Дублина, столицы Ирландии, в 1958 году. В «Откровении» действие, раз начавшись, развивается удивительно цельно и последовательно, в едином величавом, историческом ритме: в «Заложнике» действие вызывает контрастно, если воспользоваться музыкальным определением, синкопю, отдельные эпизоды как бы сталкиваются друг с другом, рождая ощущение внутреннего беспокойства, неустойчивости.

И все же в самой несхожести двух увиденных нами значительных и глубоко своеобразных работ Югослав-

ского драматического театра угадывается и нечто общее — стремление к созданию большого, социально насыщенного и поэтически обобщенного сценического образа. В «Откровении» это стремление выражено с полной определенностью и прямотой. Перед нами прежде всего — коллективный герой, сельская община, в которой каждый из участников непрерывно, на протяжении всего своего сценического бытия — часть целого. Отсюда и своеобразная форма построения, вся система мизансцен, планировок и переходов, талантливо и изобретательно развернутых постановщиками Матой Милошевичем и Предрагом Байчетичем, в пластически выразительной архитектурно-декоративной установке, созданной Милеко Шербаном.

На сценической конструкции, обобщенно передающей внутренность старой церкви, куда фашисты согнали обреченных ими на смерть обитателей Трипаны, мы видим плотно скомкнутую на сравнительно небольшом, стесненном пространстве массу, чья подчиненная своей особой логике жизнь есть нечто большее, чем простая механическая сумма составляющих ее личностей.

Этот зрительно единый образ, искусно воссозданный в спектакле, в то же время таит в себе глубокие внут-

ренние конфликты. Жизнь представшего перед нами коллектива напряжена и глубоко драматична.

На сцене нет ни одного фашиста. Лишь временами до нас доносятся резкие окрики палачей, треск автоматной очереди да центральную часть притесненной сцены вдруг ослепляет яркий свет: на мгновение как бы приоткрывается тяжелая дверь церкви, превращенной оккупантами в каземат и место казни их жертв.

Режиссура в содружестве с актерами, опираясь на материал романа, умело и точно отображенный инсценировщиками, рельефно передает не только индивидуальный облик отдельных персонажей, но главное — их позицию, их отношение к происходящему. Эти герои безмяны, их краткие характеристики в перечне действующих лиц подчеркивают их близость образам старинной народной легенды, былины, может быть, даже мифа... Вот Человек, думающий, что он самый богатый (М. Маргетич), Человек, думающий, что у него много земли (П. Войнович), Самый сильный (Д. Нованович), Самый бедный (М. Радованович), Человек с пожарами (С. Дечерич), Юноша, не боящийся ни бога, ни черта (Б. Фехмиу), Девушка с большим сердцем (М. Димитриевич)...

Не будем перечислять всех, потому что это спектакль, в котором поэтически творческий успех каждого отдельного участника составляет неотъемлемый органический элемент общего дела, а общий собирательный образ рождается именно благодаря проникновенному воссозданию неповторимого облика каждого из тех, у кого так или иначе намечена своя особая преобладающая бытовая или психологическая черта.

Быть может, главное достоинство этого спектакля в том и заключается, что в нем по-особому убедительно, в суровой и мужественной простоте народного сказания раскрыта живая диалектическая связь единичного и об-

щего, судьба отдельного человека и судьбы массы.

Отсюда и его современность. Ведущее направление действия, проходящего от начала к финалу через ряд столкновений и препятствий: от надежды на возвращение к жизни — к жестокому осознанию неизбежности конца, от колебаний и попыток отдельных членов сельской общины вымолить или выкупить жизнь — к героическому, достойному принятию смерти, к ценокорстау, к бунту и борьбе.

В пластике мизансцен, помогающей созданию единого впечатляющего монументального образа, возможно, порой дает о себе знать некоторая доля нарочитости. О ней приходится упомянуть только потому, что основная стихия сценического действия — глубоко жизненная и героичная в своей подлинности. Эпический разворот подчеркнут величественно звучащими словами древней летописи в заключительном эпизоде и словами Учителя (М. Ловрич), обращенными к протупающему на стеной фреске изображению святого Георгия с мечом в руке: «Как долго будет еще продолжаться эта война, когда наконец мечи будут покинута в пожнях?».

СОВЕРШЕННО иная атмосфера окутывает нас на спектакле «Заложник».

Мирослав Белович — директор и художественный руководитель Югославского драматического театра, поставил пьесу Бизна с тонким и точным ощущением ее поэтической природы.

В «Заложнике» нет ничего от оратории, о которой заставляет вспомнить инсценировка романа Д. Чосича. А если в спектакле и есть свой симфонизм, то он иного толка. Бизн изображает пьесы своеобразный уклад жизни дома сомнительной репутации, в котором развешивается действие его пьесы, беспощадными и точными штрихами. Здесь есть своя причудливая густота и одновременно острота

красок очень специфического быта. Она передана во всей своей яркой и терпкой непосредственности в постановке, в которой перед нами предстает как бы разрез дома, повораивающегося своими разными сторонами, открывающего нам все свои закоулки вместе с движением круга сцены (художник Петар Пашич).

В спектакле — и это отвечает внутренней логике самой пьесы — последовательно разворачивается ведущий действие мотив столкновения прекрасной иллюзии и неприглядной, суровой реальности, жестоких законов собственного мира и подлинной человечности. Поэтому так выпукло подана история взаимоотношений Лесли (С. Дечерич) и Терезы (М. Димитриевич). Лесли — английский солдат, взятый заложником представителями ирландской республиканской армии. Он будет расстрелян, если англичане казнят арестованного в главном городе Северной Ирландии Бельфасте восемнадцатилетнего ирландского патриота. В финале Лесли погибает, сраженный пулей в перестрелке, вызванной неожиданным вторжением полиции. Возникающее между Лесли и Терезой, простой служанкой, чувство отделяет их от окружения, — и жалкого, и жестокого, и страшного, и буффонного в одно и то же время. В обликах этих героев нет никакой сентиментальности. Напротив, в них есть какая-то резкая прямота проявления своих стремлений, своей реакции на окружающее.

Проникая в сущность замысла автора пьесы, создатели спектакля не только приоткрывают нам то крушение республиканских идеалов, то возрождение былой революционной боевой романтики, которая оказывается неизбежным следствием буржуазно-националистического вырождения представителей ирландского освободительного движения. Поэтому так оправдана очень сдержанно и очень убедительно переданная черта

холодной беспощадности, даже жестокости в облике Офицера (Б. Фехмиу). Очень верно найден облик Мусье — последняя бывшая героини и романтики освободительной войны. Карло Булич воссоздает его облик, соединяя долю тонкой ироничности с доверительной трогательностью. В своем мундире с красными кантами Мусье — живой алахроизм, ненужный и обреченный пережиток того, что уже отошло в прошлое.

Интересны в спектакле образы Пата и Мер. Эту пару, связанную не только узами гражданского брака, но и общностью судьбы, на сцене воплощают Юван Войнович и Ольга Спиридонович. Мотив крушения былых идеалов, их неосуществивости в действительности, окружающей стойку бара, за которую судьба бросила Пата, определяет горькую саркастичность его обрисовки. В этом образе есть и доля скорби, и доля цинизма. Противоречивое переплетение этих красок ощущается и в Мер, но в ней О. Спиридонович подчеркивает мощь веры в конечную победу республиканских освободительных идеалов.

Временами действие перемежается песнями, которые герои поют, обращаясь прямо в зрительный зал. Эти своего рода «зонги», напоминающие широко известный прием брехтовской драмы, органично вошли в спектакль, в котором речь идет не только о маленьком затхлом мире дома в дублинском пригороде, но и о конфликтах, характерных для современного буржуазного мира. Люди, населяющие этот дом, неожиданно чем-то вдруг начинают напоминать персонажей горьковского «На дне».

Широта поэтического и одновременно философского взгляда на жизнь и определяет близость «Заложника» к такому непохожему на него спектаклю, как «Откровение». В постановке пьесы Бизна проглянуло по-иному выраженное, но не менее определенное и значительное устремление к социально-насыщенному эпическому современному театру. Оно-то и позволяет по достоинству высоко оценить тот плодотворный путь, который Югославский драматический театр прошел на время после своих первых гастрелей в нашу страну.

Болеслав РОСТОЦКИЙ.

Сцена из спектакля «Заложник». Фото В. Егоров, (ТАСС).